

Юлия МОРОЗОВА

ДЛИННОЕ ПЛАТЬЕ ИЗ ХЛОПКА

*

Хорошо, что цветёт сирень,
И что сессия – хорошо.

Хорошо тебя не встречать.
Тёплый ветер каре ерошит.
Комары над ушами пищат.
Зелёный газон скошен.

В столовке дают пюре.
«Кто с наличкой?» – кричит кассирша.

Я учусь зажимать барре.

СМОЛЕНСКАЯ МУЗЫКА

Стою в стенах Успенского собора.
Спасаясь птичкой от дождя. И босоножки
насквозь промокли: я чувствую стопой
холодный пол. И хлопают дверьми
невеста и фотограф, и подруги,
и прихожане прячутся от ливня –
стучится в витражи оконных стёкол.
И колокольный звон начало службы
обозначает, мягкий полушёпот –
едва ли различимый: Отче наш.

ДВАДЦАТОЕ АВГУСТА

Следы, что оставили мы за тебя,
ты летишь над землёю.

Ты всем говорила спасибо.
Ты не слышишь,
сегодня
тебе отвечают: до свидания, Марина.

Последний твой август.
Через девять дней Ореховый Спас.

Но ты не пойдёшь в церковь
под святую воду.

А когда ты мне снишься,
я верю, что мы под твоею рукой:
твой класс –
восемнадцать восемнадцатилетних,
Ванюшка и Даша.

И я не знаю, куда исчезают еловые веточки,
наверное, их
заметает время.

Но каждый раз, когда вижу длинное платье из хлопка,
я думаю, что тебе бы оно понравилось.

*

Моя племянница
Сплёнатая
Месячная

Не буки-буки
Не агу-агу

Лежит и смотрит
Ничего не требует

И я с ней говорю
И чувствую, что рыбка понимает

Да-да тётя Юль я буду буду бу
Счастливой и любимой и хорошей
И ты меня научишь говорить
Читать играть на инструменте
И любить

Но покачай пожалуйста кроватку

Удивляешься:
какие они красивые –
когда-то ушедшие
неизвестно куда незнакомые.

Фамилии бесконечные.

Валечка, Милочка, Нюрочка Петраковы,
ушедшие в тысяча девятьсот девятнадцатом году.

Закрываешь глаза, видишь портрет семилетнего Геночки
Муравлянцева,
его потеряли на улицах Питера
между вывесок булочных.

Мама пишет:
Как там твои дела?
Всё хорошо, мама. Я тебя люблю.